

И. Г. ШАБЛИНСКИЙ

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, член совета; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Научно-методического центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности», доктор юридических наук, профессор (115184, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, к. 221; тел.: (499) 234-31-39; hse@hse.ru)

ЗАМКНУТЫЙ КРУГ В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА (К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ)

Ключевые слова: Конституция; конституционное государство; конституционный проект

Аннотация: В статье анализируется книга одного из видных российских историков, в недавнем прошлом политика от демократической партии. Главная идея книги – Российское государство совершило круг в своем развитии: от первой попытки создать конституционный режим в 1906–1914 гг. до второй – в 1989–2014 гг. Обе попытки оказались неудачными. Однако, разные государства Европы тоже продвигались к конституционному порядку долгим, ступенчатым путём. Автор рецензии полагает, что у России будет и третья попытка.

В рамках настоящей статьи нам хотелось бы осмыслить, а может и переосмыслить весьма популярную сейчас историческую аналогию. Речь идет о сравнении политико-правовой ситуации в Российской Империи начале XX века с эволюцией политического режима в Российской Федерации в начале XXI века. Эта переключка веков и эпох – достаточно плодотворный сюжет. Однако для его разбора требует более широкий исторический контекст. Тут нам поможет недавно вышедшая книга видного российского историка и государствоведа Виктора Шейниса¹. В ней мы найдем анализ того пути, который прошла русская конституционная мысль от одной обозначенной исторической вехи к другой. Нам представляется плодотворным остановиться несколько подробнее на некоторых темах, выделенных в этой работе. В принципе ее название несколько уже, чем ее реальный предмет. Её «Пролог» – а это без малого почти сто страниц – посвящён развитию русской конституционной мысли в XIX веке – веке больших надежд. Причём и это вступительная часть включает достаточно интересные очерки. Скажем, о концепции Сперанского, о различиях в программах декабристов, о земском движении.

Но, конечно, исходная точка – это предшествующие и сопутствующие русской революции 1905 года споры и проекты: рождение контура конституционного государства. От этого важного пункта русской истории до сегодняшних дней – уже чуть больше века. Собственно, этим столетием и опи-

---

¹ Шейнис В. Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014.

сывается, очерчивается тот круг, который совершила в своём развитии российское государство. Кому-то – по старой памяти – более убедительным покажется образ спирали. Суть от этого не меняется.

Данную суть автор книги в нескольких фразах передаёт уже в самом её начале, характеризуя намерения творцов Конституции 1993 года. Они, по словам Шейниса, «были озабочены не тем, чтобы удовлетворить властолюбие доставшегося им лидера, как представляет дело один из распространённых мифов. В сильной президентской власти они видели единственный действенный инструмент, способный защитить Россию от распада и сохранить демократические завоевания перестройки. Но воскресили, вопреки собственным представлениям и устремлениям, структуру власти, во многом сходную с Основными законами начала века. Круг замкнулся»¹.

Итак, перед нами длинный ступенчатый, но **кружной** путь. Именно это хотелось бы тут подчеркнуть. От попыток ограничить власть монарха, почти удавшейся реформы, реванша политической реакции и сосуществования самодержавия с некоторыми конституционными рамками, относительной свободой прессы и т. п. – через сокрушительную катастрофу 1917–1918 гг. и череду декларативных «основных законов», знаменующих собой разные стадии жизни бюрократического неправового режима (от людоедской до старчески шамкающей – 1924, 1936, 1977 гг.) – к новым надеждам на реформу, новым попыткам ограничить власть

---

¹ Там же. С. 18.

(1991–1993 гг.), опять-таки почти удавшимся и ... к реваншу политической реакции и режиму личной власти, сосуществующему с конституцией, относительной свободой некоторых СМИ, и некоторыми другими свободами, урезаемыми по ходу дела.

Конституции советской эпохи были, прежде всего, инструментами пропаганды. В то же время, это важные вехи истории режима. Каждая веха, так или иначе, высвечивала его сущностные черты. И мы вспоминаем о некоторых весьма важных, – даже с позиции сегодняшнего дня – деталях этих «основных законов». Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция СССР 1924 г. отсекали от общественной жизни, лишая всех политических и части гражданских прав примерно 10% населения – «эксплуататоров» с семьями, но также и те «группы», «которые пользуются правами в ущерб интересам социалистической революции». Речь, в сущности, шла о значительной части населения, в пределах которой особенно велика была доля людей успешных, предприимчивых, креативных. Наделение избирательными правами в условиях данного политического режима не имело, правда, никакого значения. Тем не менее, выделение и политическая изоляция классово и идеологически «чуждого элемента» становится вектором развития – на десятилетия.

Ко времени принятия в 1936 году Конституции «победившего социализма» и первых выборов на её основе (декабрь 1937 г.) классово чуждый элемент уже не просто выделен и изолирован, но и в значительной мере физически истреблён. Автор книги возвращает нас к некоторым событиям и

цифрам, широко обсуждавшихся ещё 20 лет назад, но как-то позабытых или упрятанных в тень в последние годы. Условиями «победы социализма» и принятия соответствующей ей «сталинской конституции» стали миллионы жертв коллективизации и рукотворного голода – в основном, крестьян России и Украины: по самым скромным подсчётам 2–3 млн. человек (А. Шубин «Великая депрессия»), по другим – около 7 млн. человек (Р. Конквест «Жатва скорби»).

Жертвы первых лет действия Конституции 1936 года подсчитывались отдельно. И тут можно привести данные комиссии ЦК КПСС, подготовленные к XX съезду партии: арестовано 1 млн. 548 тысяч человек, из них расстреляно – 682 тысячи. А можно воспользоваться оценками А. Солженицына (также документированными): 1,7 млн. только расстрелянных.

Нужно признать, что таковой и была основная функция первых советских конституций – обрамлять монополию на власть и террор. Прикрывать тусклую и кровавую реальность юридической мишурой. Эту суть можно было бы передать и другими словами: возведение политической фальши в основной закон эпохи.

И тут нелишне вспомнить об определённой разнице в оценке указанных событий и цифр. Как известно у нас в 2010–2011 годах достаточно активно шла дискуссия, связанная с подготовкой новых учебников истории. Тема звучала примерно так: «можно ли считать Сталина эффективным управленцем»? Как известно, свернув НЭП и проведя упомянутую коллективизацию, вождь ВКП(б)

предпринял меры по индустриализации страны. У нас в последние годы как-то довольно бодро обсуждалось, не слишком ли велика была цена данной экономической линии. Многие участники дискуссии полагали, что нет, не слишком. В это же время, напоминает нам автор книги, в 2010 году апелляционный суд Киева «впервые в нашей общей истории поимённо назвал преступниками за организацию голодомора руководителей СССР и Украины во главе со Сталиным». Подчеркнём: это было судебное решение. Как бы то ни было, оно обозначило определённый вектор смещения и украинского общественного мнения и развития украинского государства. Суть его можно было бы обозначить как преодоление и изживание элементов советского прошлого в сознании. В это же время – в первом десятилетии XXI века – в Российской Федерации государство всё активнее использовало инструменты, связанные именно с советским опытом. В частности, установление контроля над СМИ, пропагандистско-идеологические кампании и создание фактической монополии на власть.

Но вернёмся в XX век, к истории российских конституций. Виктор Шейнис рассматривает середину 60-х годов как развилку, на которой советская политическая элита (после очередной смены власти) ещё могла выбрать один из, по крайней мере, двух вариантов развития страны. К этому времени наиболее проницательные из её представителей могли уже заметить, уловить признаки системного кризиса сталинской экономической мо-

дели. И бесперспективность тоталитарной модели власти с её имитациями демократии.

Но не заметили, не уловили. И выбор был сделан – в пользу консервации и данного типа экономики, и данного типа власти. Машина официальной пропаганды все 70-е годы работала, не сбавляя оборотов. Но к концу десятилетия уже большинству наших граждан и отнюдь не только интеллигенции, было очевидно, что эта машина работает вхолостую. Впрочем, два скачка цен на нефть (в 1973 и в 1979 гг.) позволили одряхлевшим советским олигархам поддерживать миф о некотором поступательном движении и даже повышать уровень народного благосостояния. Но всё равно главным жанром эпохи стал политический анекдот. Представляется, что и Конституция, принятая 7 октября 1977 г. – тоже, в какой-то мере, продукт этого жанра. (Из детских воспоминаний автора этих строк. В один из октябрьских вечеров того памятного года в давно облубованном углу нашего двора на Башиловской улице под навесом привычно собиралась пьяная компания потёртых мужичков – довершать начатое днём. Их привычно стыдили наши бабушки, ссылаясь на близость детской площадки. Мужички бодро и весело мотивировали: «Ну, ладно тётки – конституцию принимаем!» Принимали, точнее, мотивировали принятием два или три вечера подряд).

Говоря о мотивации ускоренной разработки и принятия нового основного закона (формально конституционная комиссия существовала с 60-х годов), Виктор Шейнис упоминает понравившуюся членам политбюро идею – совместить торже-

ственное принятие Конституции с празднованием 60-летия октября – прихода большевиков к власти. Нет сомнений, что так оно и было. Но поскольку идея должна была получить одобрение и самого генерального секретаря, думается, ему были представлены аргументы, способные потрафить его тщеславию. Помнится, преклонный возраст генсека никак не препятствовал расцвету именно этого его качества. Сам он полжизни прожил при Конституции, которую довольно долго принято было именовать «сталинской». Думается, придворные льстецы пообещали лидеру партии, что «конституция развитого социализма» войдёт в историю как «брежневская». В разных мемуарах встречаются упоминания о данной аргументации.

Праздник 7 октября 1977 г. вышел на славу. Генсек, вопреки всем своим хворям, простоял на трибуне почти четыре часа и держался молодцом. В Конституции СССР 1977 года в основном воспроизводилась схема органов государственной власти и государственного управления, закреплённая Конституцией 1936 года. К реальной жизни эта схема имела косвенное отношение. Верховный Совет и его структуры не играли никакой реальной роли. Важнейшие политические решения принимались даже не ЦК КПСС и не полным составом Политбюро, но небольшой группой его членов – узким ареопагом из 4–5 олигархов. Во второй половине 70-х годов в этот ареопаг входили Л. Брежнев, М. Суслов, А. Громыко, Д. Устинов, Ю. Андропов. Их решения оформлялись в аппарате ЦК, и затем доводились до Совета Министров и других административных органов. Виктор Шейнис

напоминает, что почти все значимые постановления в СССР объявлялись от имени двух инстанций – ЦК КПСС и Совета Министров. Но любопытно, что в Конституции 1977 года эта форма не была упомянута.

Как известно, данному творению поздней советской юридической мысли было отпущено 14 лет жизни.

Почему именно наша страна стала родоначальником (во всяком случае, одним из родоначальников) жанра декоративных конституций и держит рекорд по их числу? Почему этот жанр оказался у нас столь живуч? В сущности, именно на эти вопросы ищет ответа – переходя от эпохи к эпохе, автор книги.

Основной и самый объёмный её раздел посвящён периоду реформирования «основных законов» «брежневской» поры и созданию новой конституционной основы. В этой второй попытке выстроить в России конституционное государство сам Виктор Шейнис принимал активное участие – как народный депутат и как член Конституционной комиссии. Точнее, даже как один из фактических авторов текстов целого ряда статей, вошедших в итоге в новую Конституцию.

События, предшествовавшие и сопутствовавшие принятию Конституции 1993 года, автор книги описывает весьма обстоятельно. Эти тщание и добросовестность в разборе событий, свидетелем и активным участником которых был сам автор, бесспорно, делают книгу одним из авторитетных источников по истории России последней четверти XX века, и в частности по истории конституцион-

ной реформы. Полагаю, что именно в таком качестве она и будет использоваться.

В рамках же настоящего небольшого очерка мы ограничимся обозначением некоторых важнейших вех той реформы, которые получили отражение в книге и которые – при различных обстоятельствах – стали вдруг приобретать новую актуальность в последующие десятилетия.

Для начала вспомним «Декларацию о государственном суверенитете РСФСР». За этот документ, ассоциируемый сегодня с днём 12 июня и не слишком популярным государственным праздником, голосовали 907 народных депутатов, при 13 голосовавших «против» и 9 воздержавшихся. Это было невиданное ранее реальное политическое единство, тем более ценное, что демонстрировалось оно структурой, состоящей из совершенно разных по убеждениям людей. Следует напомнить, что декларация помимо прочего утверждала принципы многопартийности, разделения властей и правового государства. Таким, было, начало реформы в Российской Федерации в 1990 году.

Но уже 1993 год Россия «встречала в условиях острого экономического и политического кризиса, без утверждённого государственного бюджета, с обострившимся противостоянием президента и парламента, сковывавшими друг друга, с правительством, обречённым на лавирование между ними, без новой Конституции и перспективы её утверждения, с ощущением тупика и неясными надеждами на обещанное улучшение»¹.

---

¹ Там же. С. 598.

Теперь нужно вспомнить, какие вопросы послужили основой для фронтального раскола депутатского корпуса, а в определённой мере и всей социально активной части населения. Вот как характеризует их Виктор Шейнис. «Всё же в основе драматических схваток, при всех наслоениях и побочных мотивациях, был выбор между продолжением избранного типа и темпа реформ и такой его корректировкой, которая означала бы – осознавали это или нет – сохранение тепличных условий для большинства предприятий, патронаж государства по отношению к производителям и потребителям и срыв антиинфляционного курса, т. е. обесценение всех ранее принесённых жертв и ревизию внешнеполитического курса, представлявшего собой развитие столь ненавистной агрессивной оппозиции линии Горбачева – Шеварднадзе на отказ от имперских притязаний и вхождение России в сообщество демократических государств»¹.

Добавим к этому несколько слов. Да, большинство депутатов ещё голосовали в 1992 году за программу приватизации и за другие законы, связанные с созданием рыночной экономики. Крайне низкие цены на нефть и пустая казна, практически, не оставляли им выбора. Но неприятие реформы – и экономической и в сфере деятельности государства на международной арене – нарастало. Для значительной части депутатов, и, вообще, бывшего советского правящего слоя разрыв с прежними идеологическими догмами был довольно болезненным. Отметим специально, что окончание «хо-

---

¹ Там же. С. 597–598.

лодной войны» этим слоем воспринималось как однозначное поражение и унижение страны.

Недовольство этих людей курсом «президентской команды» в 1992–1993 гг. достаточно быстро достигло градуса священной ненависти. Можно ли было в этих условиях искать и находить компромиссы? Думается, что, всё же, да. Просто потому что альтернативой была гражданская война.

В том, что дело, фактически, дошло до войны (пусть, короткой) Виктор Шейнис склонен винить обе стороны. И, думается, он прав.

Ведь весь ход событий «должен был показать и президенту и демократам, что «время бури и натиска» прошло, что надо осваивать трудную науку маневрирования, а не идти напролом. Но, во-первых, заниматься этим Б. Ельцин не любил и не умел; во-вторых, более жёсткой позиции от него требовали многие его сторонники... А главное, для сохранения и развития компромисса... требовалось, чтобы к тому же стремилась и другая сторона...»⁴.

Мы помним итог этого противостояния. Конституция 1993 года стала результатом не компромисса, но тяжелейшего конфликта, в ходе которого одна сторона (Президент Б. Ельцин и его сторонники) вышла победителем. Этот успех был использован для того, чтобы закрепить и усилить в проекте Конституции положения, ведущие к дальнейшему ослаблению роли парламента и усилению главы государства. В самом начале ноября 1993 года, незадолго до вынесения конституционного проекта на референдум – то есть уже после всех съездов и Конституционного совещания – в него

вносились (в ходе аппаратных процедур) поправки. Устранявшие немногие остающиеся противоречия президентской власти. В частности, Государственная дума была лишена права давать согласие (или несогласие) на отставку Правительства. Переформулирована оказалась и статья о способе формирования Совета Федерации: изначально предполагалось, что он будет избираться населением, но вдруг оказалось, что его «формируют» региональные власти. И так далее.

Таким образом, и сам первый президент, и его ближайшие советники в наибольшей степени были озабочены в этот момент тем, чтобы всемерно укрепить президентскую власть, избавить её от возможных конкурентов. Как уже говорилось выше, автор книги полагает, что они таким путём стремились «защитить Россию от распада и сохранить демократические завоевания перестройки».

Представляется, что тут автор, скорее, выдаёт желаемое за действительное. В той ситуации желание угодить патрону и использовать момент было, насколько я мог тогда судить (работая в комиссии по доработке проекта), было сильнее всех стратегических замыслов. При всём уважении к Сергею Филатову и Сергею Шахраю в главных результатах их работы трудно увидеть именно стратегию. И, действительно, в итоге была воскрешена структура власти, весьма сходная с самодержавной монархией, правда, сосуществующей со слабым представительным органом, то есть структура, уже действовавшая в России в начале XX века. Круг, действительно, замкнулся.

К этому времени демократическая революция иссякала. В процессе тяжелого экономического кризиса её социальная база резко сузилась. Реформа в экономике в определённой мере ещё шла, но её последним неприглядным изводом стала быстрая концентрация капитала в руках нескольких наиболее удачливых группировок, приобретших влияние на власть. Виктор Шейнис резюмирует: «Неразделённость власти и собственности стали отличительной чертой российской государственно-монополистической системы, быстро прошедшей процесс становления»¹.

Первые годы действия Конституции 1993 – годы угасания последних импульсов революции. Они привели к созданию ряда демократических институтов, но институтов слабых, уязвимых, малоэффективных. В частности, многопартийность не стала серьезным фактором политики. Ни одна из партий так и не стала сильным актором, способным формировать государственную власть. Напротив, последняя манипулировала партийными проектами, приспособливая их для своих нужд. Совет Федерации после нескольких изменений порядка его формирования и фильтрования его состава фактически перестал быть частью парламента. Государственная Дума постепенно, по мере укрепления президентской авторитарной власти становилась всё более зависимой от неё (пока не превратилась к концу первого десятилетия нового века в её придаток). Более или менее активно действовали независимые СМИ, но и для них коридор свободы непрерывно сужался.

---

¹ Там же. С. 874.

Можно тут, кстати, отметить, что смешанная, мажоритарно-пропорциональная избирательная система довольно исправно действовала с 1993 года. Именно её главным инициатором и творцом принято считать Виктора Шейниса. Но, думается, вряд ли его устраивало то, как эта система использовалась в последние годы. Впрочем, это, конечно, частность.

На рубеже веков на смену краткому периоду реформ пришла череда контрреформ. А затем, после всплеска протестных настроений и самая настоящая политическая реакция. Сформировалась монополия на власть одной группировки во главе с бессменным лидером, судебная власть оказалась подчинена исполнительной – точнее, встроена во властную вертикаль. Крупнейшие СМИ оказались под полным контролем указанной правящей группы, а для немногих независимых изданий был оставлен узкий (и постоянно сужающийся) коридор для выражения некоторых точек зрения. Но это уже краткое подведение итогов последних полутора десятилетий. Им в рассматриваемой книге посвящён заключительный фрагмент.

Но мы напоследок обратимся не к этому, а к другому сюжету – не менее важному. Неплохо знавший первого президента России автор книги размышляет об обстоятельствах и причинах выбора Борисом Ельциным кандидатуры на позицию второго президента. Этот драматический выбор, – вообще, отдельная тема. И не так уж часто за эти годы её касались политологи и психологи.

Как известно, к 1999 году у Владимира Путина не было никакого опыта собственно политической

(не чиновничьей) карьеры, и о его политических взглядах можно было только догадываться. Первый президент, как теперь видится, тоже выстраивал на этот счёт определённую догадку, опираясь на свои чутьё и жизненный опыт. И тут уместна обширная цитата. Автор книги полагает, говоря о Б. Ельцине, находившимся в состоянии мучительного поиска в середине 1999 года, что «в его представлении, в обществе, где «растёт потребность в каком-то новом качестве государства, в некоем стальном стержне», требуется человек «интеллигентный, демократичный, по-новому думающий, но и по-военному твёрдый». Взгляд Ельцина остановился на чиновнике, сравнительно недавно появившемся в кремлёвской администрации, – Владимире Путине. Интерес, а затем и доверие президента Путин заслужил и своим обликом человека молодого, спортивного, сдержанного, не рвущегося в фёрзи, и послужным списком (в КГБ, но Ельцин теперь считал, что «надо восстанавливать авторитет спецслужб»). И ещё эпизодом, когда он, верный своему прежнему патрону, использовал свои связи и провернул сомнительную с точки зрения закона операцию: вывез за границу А. Собчака, которому грозило уголовное преследование.

Окончательный выбор в пользу Путина был сделан, по-видимому, когда накануне парламентских выборов стал складываться тандем Лужкова и Примакова, в котором Ельцин увидел угрозу не только себе и семье, но и тому пути России, на выбор которого он положил жизнь».

Далее автор приводит суждение первого президента России о возможном политическом режиме,

ассоциируемом с двумя названными политиками; оно с одной стороны объясняет его выбор, а с другой может предложить ответ на вопрос: «Как бы мог Ельцин отнестись к сложившемуся сегодня режиму? Автор книги напоминает нам об этом суждении: «Лужковская модель капитализма не предполагала свободы слова, свободы в идеологии, свободы политической конкуренции. Это была модель сословного, чиновничьего, жёстко-бюрократического капитализма «для своих»».

Комментарий тут вполне логичен: «Трудно сказать, в какой мере вообразенный Ельциным результат предполагаемой победы Лужкова и его союзников соответствовал бы действительности. Но теперь-то совершенно очевидно, что Ельцин очень точно и выразительно обрисовал как раз то, что получила страна после успеха его протее, победившего коалицию Лужкова – Примакова»¹.

Представив читателю детальнейший анализ событий, охватывающих столетие и описываемых логикой замкнутого круга, автор, закономерно, скептичен и осторожен в выводах. Более всего его – как и наверно, многих современных обществоведов – огорчает то, как легко огромная часть общества отказалось от сопротивления произволу, от самоорганизации и чувства солидарности. И как уязвима оказалась для пропаганды. И, конечно, он не пытается свести причины кризиса (кризисов) к несчастной, увечной Конституции. Но всё же выражает надежду на то, что «перед лицом грозных вызовов, которые ставит перед Россией современ-

---

¹ См.: *Ельцин Б.* Президентский марафон. М.: АСТ, 2000. С. 276, 312, 320–326, 359.

ное мировое развитие, в стране возобладают силы, преследующие общенациональные интересы».

Данная заключительная формула даёт хороший повод для важных уточнений, для расстановки акцентов. В чём тут суть? Общенациональные интересы, бесспорно, состоят не в монополии на власть одной группировки, но в свободном соревновании политических и общественных сил, не в контроле государства над медиа-пространством, но в конкуренции взглядов и идей. Не в корпоративном государстве, замкнутом на интересы всё той же группы, но в государстве конституционном.

Книга «Власть и закон» представляет нам широкую историческую панораму. Образующие её события – многообразные и разнонаправленные – всё же складываются, на наш взгляд, в общий вектор – вектор развития страны, проступающий от эпохи к эпохе то менее, то более явно. Это движение в направлении целей, обозначенных выше, можно замедлить, можно на определённое время прервать, но сменить или отменить вектор, думается, не дано никому.

Книга была закончена ещё до событий в Украине и, в частности, в Крыму в начале 2014 года. Вероятно, их учёт добавил бы скепсиса последним выводам автора в отношении конституционного развития России. Но это никак не касается сути дела. А она состоит в том, что миллионы россиян, имеющих совершенно различные взгляды на государство и экономику (или бравлирующих отрицанием любых взглядов) в любом случае уже считают себя вправе выражать свои позиции свободно и не ставить их в зависимость от мнения государства. Они

могут быть введены в заблуждение на сей счёт, могут обманываться, их можно отвлечь или увлечь ложными посулами – но лишь на время (пусть и немалое). В стране, где фактически существует многообразие политических и общественных сил, действует институт частной собственности и постепенно нарастает слой собственников, выстраивание отношений между ними, в конце концов, будет происходить на основе права и конституции. Ну, да, слова «в конце концов» тут ключевые. Но не будем в данном случае вдаваться в детали.

Автор книги Виктор Шейнис описал две попытки построения в России конституционного государства. Их успеху мешали то войны, то фанатизм, то непомерные амбиции лидеров. Автор в своё время сделал всё от него зависящее, чтобы вторая попытка удалась. Что ж... Разные государства Европы продвигались к конституционному порядку долгим, ступенчатым путём. У них были свои тяготы и препятствия. Они нас в этом смысле несколько опередили. Но у России будет и третья попытка.

Пожалуйста, подождите.

Библиографический список:

1. *Ельцин Б.* Президентский марафон. М.: АСТ, 2000.
2. *Шейнис В.* Власть и закон. Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014.

ПРАВО И ОБЩЕСТВО

Н. Н. ДОВНАР

Белорусский государственный университет, Институт журналистики, доцент; Общественный координационный совет в сфере массовой информации, член совета, кандидат юридических наук, доцент (220004, г. Минск, ул. Кальварийская, д. 9; тел.: (375 17) 259-70-25)

РОЛЬ СМИ В ПОВЫШЕНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ключевые слова: правосознание; правовая культура; средства массовой информации

Аннотация: В статье раскрывается роль СМИ в повышении правосознания и правовой культуры общества в период социальных трансформаций. Обращается внимание на необходимость изменения вектора правовой проблематики от криминальных сообщений к вопросам профилактической направленности и правового просвещения граждан.

Проблемы правосознания и правовой культуры общества интересуют представителей различных